
СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА И ГЕТЕРОТОПИЯ

УДК: 003:93

DOI: 10.31249/chel/2020.01.01

Пеллегрино П.

СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА: ГЕТЕРОТОПИЯ И ЗНАЧЕНИЕ МЕСТА^{©, *, 1}

*Международная ассоциация семиотики пространства и времени,
Швейцария, pellegrini@bluewin.ch*

Аннотация. Этот текст рассматривает соотношение между гетеротопией и значением места с точки зрения семиотики пространства. Любой организм обменивается информацией со своим окружением, транспортирует, позиционирует и ориентирует свое поведение по отношению к источнику энергии и информации. Чтобы обеспечить согласованность своих действий с окружающей средой, организм должен преобразовывать сенсорную энергию в информацию. В пространстве экстерииоризация бытия и интерииоризация действий организма – это два фундаментальных процесса, формирующих смысл места. Последовательность форм в пространственной композиции основана на непрерывном расширении до бесконечности. Пространство предполагает протяженность. Форма оперирует разрывами в протяженности, она сохраняет линии субстанции, чтобы обозначить пределы пространства. Единственное, что она не сохраняет, – это *modus operandi* формы. Пространственная композиция связывает последовательные включения и исключения; генезис мест порождает гетеротопии и гомотопии.

Ключевые слова: пространство; семиотика; смысл места; гетеротопия; гомотопия; диатопия.

Поступила: 01.10.2019

Принята к печати: 13.07.2019

© Пеллегрино Пьер, 2020

* Перевод приводится с оригинальной рукописи.

¹ Перевод с англ. О.А. Лавреновой и Л.Ф. Чертова, 2020.

Pellegrino P.

Semiotic of space: Heterotopy and meaning of place
International Association for Semiotic of Space and Time,
Switzerland, pellegri@bluewin.ch

Abstract. This text examines the correlation between heterotopy and meaning of place from the standpoint of the semiotics of space. Any organism exchanges information with its environment, transports, positions and orients its behaviour in relation to the source of energy and information. To ensure coherence of its actions, the organism must transform sensory energy into information. In space, exteriorization of being and interiorization of the organism's actions are the two fundamental processes that constitute the sense of place. The sequence of forms in a spatial composition is based on a continuous extension to infinity. Space presupposes extension. The form operates discontinuities in the extension, preserves lines of substance to mark the limits of space. The one thing that it does not preserve is the mode of operation of the form. Spatial composition connects successive inclusions and exclusions; the genesis of places generates heterotopies as well as homeotopies.

Keywords: space; semiotics; meaning of place; heterotopy; homeotopy; diatopy.

Received: 01.10.2019

Accepted: 13.07.2019

Орган, окружающая среда и обмен¹

Даже самые элементарные организмы обмениваются информацией с окружающей средой². Этот обмен состоит в проявлении своего присутствия и / или обнаружении иного присутствия. Эта информация обычно требует каких-либо ответных действий. Каждое присутствие является конъюнктивным или дизъюнктивным, привычным или неожиданным. «Другой» является добычей или опасностью и вызывает влечение или безразличие, приятие или отвержение. Поэтому каждый живой организм исследует свое окружение и старается адекватно реагировать на происходящие события.

Каждый организм создает себе модель своего окружения – модель, с помощью которой он интерпретирует события, происхо-

¹ Первый параграф данной статьи представляет собой исправленную и дополненную часть текста, включенного в сборник [Sémiotique de l'espace, 1995].

² Существует онтогенез и филогенез языка, рассматриваемый как эволюция семиозиса – начиная от способов, которыми наиболее примитивные организмы общаются со своей средой, до тех, которыми наиболее развитые общества формируют свое ощущение виртуальной реальности [Sebeok, 1991].

дящие вокруг него, реагирует, парирует или уклоняется. Реагировать на то, что происходит, предотвращать опасность или хватать добычу – это значит уметь организовывать позиции, оценивать расстояния и создавать видимость. Довольно развитый организм вводит в заблуждение свою жертву или избегает опасности, сливаясь с окружающей средой. Сходство может быть обманчивым.

Способность перерабатывать информацию зависит от умения фильтровать получаемый материал. Структура организма определяется его границами; последние образуют интерфейс, который организует взаимосвязи между индивидуальным внутренним пространством и окружающей внешней средой, откуда поступают информация и материалы, усваиваемые организмом и несущие ему энергию. Каждый организм живет благодаря обследованию и активному отбору; система энергопотребления, информационная система и система воздействия на окружающую среду взаимозависимы.

Перемещение, позиционирование и ориентация – это способы достижения источника энергии или информации и избегания его. Чтобы обеспечить согласованность своих действий, организм должен извлечь инварианты из своего сенсорного мира и преобразовать сенсорную энергию в информацию.

Чтобы ограничить неконтролируемые изменения среды и иметь возможность регулировать расходуемую энергию, человек окружил себя обустроенным пространством. Оно упорядочивает энергоинформационный обмен человека с окружающей средой и, таким образом, предоставляет средства его регулирования.

В основе семиотики пространства лежит невербальная семиотика, управляющая смыслом отношений живого существа с окружающей средой. Мы постараемся показать, как семиотика пространства отличается от других видов семиотики, каким образом она происходит от них или, наоборот, в каком отношении она является их предтечей, каким образом она включена в них или включает их в себя. Исследуем, в каком отношении пространство является подлинной предпосылкой наших отношений с миром природы и каким образом оно наполняет их значением или воспроизводит его.

Таким образом, я предлагаю теорию семиотики пространства человека. Человек, как развитый организм, создает, исходя из своих моделей окружающей среды, правила поведения, которые позволяют ему не только интерпретировать текущие события и

отражать опасности внешнего мира, но также выдвигать гипотезы о будущих событиях и предлагать свое видение гипотетических миров, в которых эти опасности могут быть предотвращены – видение, в котором вариации формы могли бы быть связаны с мерой их инвариантности.

Эти предполагаемые миры строятся на основе интерпретации событий, происходящих в реальности; они обрисованы в прообразе, в котором совместное бытие пробуждает чувство запредельного. Чувство опасности сублимируется в проецируемые отношения между тождеством и различием; оно контролируется в отношениях, устанавливаемых между понятиями «здесь» и «в другом месте». Семиотика очеловеченного пространства в моем понимании, таким образом, хорошо вписывается в социальную психологию, как предлагал де Соссюр. Это показывает, насколько социальная психология территориальна по своей сути.

Пространство и чувство места

В своих работах о территориальной идентичности и социальном единстве я попытался показать, как пространство может представлять собой форму универсализации или партикуляризации социальных акторов и институтов, которые они создают для организации своих отношений [Espaces..., 1983]. В процессе формирования человеческих сообществ с целью организации отношений как со «своими», так и с «чужими», пространство использовалось в зависимости от складывающихся социальных структур. После того как я в своих исследованиях разграничил пространство как форму территории от ее материальности, первой трудностью, которую мне пришлось преодолеть, было понимание, в каком отношении пространственная форма несводима к другим формам упорядочения социальной реальности; в частности, в каком отношении она несводима к иерархическому порядку, к форме классификации.

Логика классов построена на операциях с оппозицией между тождеством и различием. С точки зрения здравого смысла основа тождеств вещей лежит в их природе. В то же время тождество является результатом понимания мира и классификации составляющих его реальностей. Только различия есть в материальной реаль-

ности вещей [Prieto, 1975]. Идентификация вещи состоит в рассмотрении некоторых ее характеристик – тех характеристик, которые подходят для цели действия с вещью, таких как улучшение или изменение в определенном контексте. Логика классов исходит из общего рода и видового отличия, где общий род объединяет различные классы индивидов, распределенных между несколькими подклассами, а видовое различие отмечает разницу между индивидами, принадлежащими к одному и том же классу.

Такова логика построения иерархического дерева, эффективная в своем способе декомпозиции реальности, но ограниченная в своем способе композиции, поскольку она лишь с трудом может уловить те отношения, которые складываются между классами, которые не встроены непосредственно в объединяющий их класс на более высоком уровне. Конечно, есть синтагматика соединения классов [De Saussure, 1972], но это всего лишь организация классов, их способности комбинироваться, связывающая последовательный ряд и понимание. Стремясь постичь устройство языка, она постигает его структуру, показывая, как его диахрония вытекает из речи, как преобразования структуры происходят из работы над словами, как их компоненты соотносятся друг с другом и соединяются в новые формулы. Эта организация вполне пригодна для структурирования языка, но она лишь в ограниченной степени учитывает специфику речи и текста.

Чтобы преодолеть этот недостаток, некоторые авторы пытались определить, с одной стороны, уровни организации постижения реальности, а с другой – способ перехода от одного такого уровня к другому [Greimas, 1970] и другие работы школы нарративной семиотики. На глубинном уровне они помещают общие категории, такие как бытие и кажущееся, или их модализацию, такую как различение способностей уметь или знать. На промежуточном уровне они помещают дискурсивную форму, которая связывает последовательность общих категорий в структурированный ряд, который стремится устранить первоначальный недостаток, в частности, – направлен на прояснение ситуации или решение проблемы.

Затем, чтобы завершить дискурсивный путь, они предлагают третий уровень, уровень проявления категорий в субстанции, в частности в текстовой субстанции. Это уровень формы выражения, формы, которая может в любой момент вызвать в сознании

человека адресацию к преобразованиям, происходящим на дискурсивном пути. Но есть некоторая проблема в сведении выражения к проявлению изменений, происходящих где-либо.

Некоторые авторы осознают это и стремятся понять, как формы экстериоризации, которые являются формами выражения, связаны с формами содержания [Greimas, 1979]. С этой целью они обращаются к семиотике пространства, сравнивая теорию утверждения с теорией высказывания; они постулируют логический приоритет протяженности и понимают под пространством дифференциацию этой аморфной первичной протяженности, разделение на внутреннее и внешнее.

Рассматривая проблемы, обсуждаемые этими авторами, и перспективы, которые они наметили, я попытался показать, как это разделение является в то же самое время глубоким срезом реальности – в ее самом существенном содержании, в бытии, обращенном к другому, но также обращенном к пустоте, – а также выражением этого бытия, его *существования* в первичном смысле, таким как его манифестация в субстанции [Pellegrino, 1994]. Экстериоризация бытия и интериоризация действий, в контексте того впечатления, которое оно производит на окружающих, – вот два фундаментальных процесса, заставляющих его становиться тем, что оно есть.

По мнению Фомы Аквинского, принцип индивидуации – это материя [d'Aquin, 1949]; но это *определенная* материя, схваченная в некоторых своих измерениях. Бытие, состоящее из материи и формы, является всеобщим постольку, поскольку оно не оформлено в конкретную материю, но рассматривается в абсолютной материальности независимо от того, какие формы оно может принимать в данный момент. Проявлением универсального пространства является не какая-то конкретная территория, а такая, которая может получить определения человеческого пространства; не этот камень или это дерево, а то, что может быть сделано из камня или дерева в архитектуре в принципе. То, чем является эта территория или это здание, не есть ни материя, ни форма по отдельности, но взятые вместе они связываются друг с другом уникальным образом, одно относится к другому как одно из условий его возможности среди всеобщих форм пространственности.

Луи Ельмслев предложил признать, что семиозис возникает в отношениях между отношениями [Hjelmslev, 1943; Hjelmslev, 1968];

это позволяет разложить выражение и содержание на форму и субстанцию, а затем связать одно с другим. Таким образом, в устной речи субстанцией выражения является акустическая субстанция, а субстанцией содержания – совокупность общественных практик. Ельмслев тем самым признает несколько уровней субстанции, от физиологической материальности до социальной нормативности, созданной посредством психологической интенциональности [Hjelmslev, 1936; Hjelmslev, 1971]. Поэтому отношения между формами и субстанциями довольно сложные. С одной стороны, проявление формы в субстанции не может быть значимым, не будучи связанным с проявлением другой формы в другой субстанции; с другой стороны, несколько субстанций могут проявлять одну и ту же форму и несколько форм могут быть соотнесены с одной и той же субстанцией.

К этому следует добавить тот факт, что в пространственной семиотике выразительность связана с субстанцией вместилища и воздействием, производимым этой субстанцией на субстанцию содержимого. И форма содержимого не обязательно следует за формой вместилища точка за точкой. Вместилище не всегда раскрывает свое содержимое. Между формой вместилища и формой содержимого существуют числовые соотношения [Figures..., 1994]. Они могут смещать характеристики, чтобы усилить или размыть любое соответствие между вместилищем и содержимым. Впечатление, получаемое от проекции объекта в переживаемом пространстве, зависит от внешнего вида этого объекта, его упаковки, сборки. Таким образом, возможна диссоциация между формой как видимостью и формой как способностью. Внешний вид, придаваемый формой субстанции вместилища, может соответствовать форме содержимого или не соответствовать ей.

Сохранение формы выражения не всегда означает, что так же постоянна форма содержания; мы видели дворцы с живущими в них бандитами. Если использовать другой образ, то можно сказать, что форма вместилища проявляет субстанцию зачастую более «прочную», чем субстанция содержания; субстанция содержания в некотором смысле более подвижна. Но физическая причинность, определяющая постоянство или распад субстанции вместилища, не имеет к этому никакого отношения, как и историческая причинность, определяющая постоянство или изменения субстанции содержимого; это вопрос формы, и форма произвольна по отноше-

нию к тому значению, которое с ней связывается. Причинность относится к субстанции; значение же – это соотношение форм. Детерминация вовлекает субстанции в причинно-следственную связь. Значения, со своей стороны, связывают формы друг с другом в результат, который не имеет иной причины, кроме намерения или навыка производить смысл.

Другими словами, вместилище может быть инструментом, полезность которого изменяется в зависимости от его использования; содержание – это действие, которое, в то время как его бытие обеспечивается вместилищем, актуализирует его и придает ему смысл. Но содержание – это не только пространство, обслуживаемое тем или иным инструментом. Пространство также может быть инструментом: например, прихожая в жилых постройках определенного рода служит преддверием спальни. Сходным образом, это не только несомое пространство. Оно так же может быть несущим пространством, как, например, подвалы, образующие основание зданий, стены которых несут стены более высоких этажей. Содержание имеет форму, которая несводима к отливке для формы вместилища; форма содержания может отличаться от формы контейнера, инвертировать, игнорировать ее или переступать через нее.

Однако существуют переходы от вместилища к содержанию путем включения или пересечения и от несущего пространства к несомому путем укладки или перекрытия. Включение, пересечение, укладка и перекрытие – это формы и способы сохранения качеств субстанции. Непрерывность – это качество субстанции, сохраняемое в форме. Субстанция – это источник множественных непрерывностей, которые форма сохраняет или отвергает. Сцепление форм в пространственной композиции базируется на протяженности, продолжающейся до бесконечности. Пространство изначально предполагает протяженность. Пространственная композиция связывает последовательные исключения. Форма производит разрывы в протяженности; она сохраняет черты субстанции для использования в качестве пространственных границ. Исключение того, что она не сохраняет, это *modus operandi* формы.

Следовательно, пространство может быть «пространством вообще», «родовым пространством». Такое пространство является основополагающей лакуной. Экстериорность объекта есть предпосылка понимания «другого» как «не-Я». Вопреки тому, что составляет формальную логику, где вид есть составная часть рода и

расходится с другими его составляющими своим видовым отличием, родовое пространство не включает в себя конкретное пространство, но пересекается им. Конкретное пространство, действуя среди таких же пространств, определяет для себя важным одно из их условий, сопоставляя его с условиями, внешними по отношению к роду. Примером может служить деревня, которая среди других деревень в регионе, похожих друг на друга, определяется своими особыми отношениями с городом, который ближе к ней, чем к другим.

В аристотелевской логике род – это целостность, не имеющая определенной формы, происходящая из материи, а вид – это целое, происходящее из формы, которая выделяется внутри рода. В области пространства человека, напротив, род наделен формой, ибо он исключает уточняющие отсылки вне родового пространства. А вид – это другая форма, которая поддерживает с родом отношение пересечения, а не включения. В пространстве род и вид имеют форму, а родовое пространство придает форму субстанции, отличной от той, с которой связано конкретное пространство. Например, родовое пространство отражает сущность сельского хозяйства, а конкретное пространство – городского хозяйства.

В этом случае родовое пространство имеет область, отличную от конкретного пространства [Pellegrino, 2001]. Родовое пространство, как генератор подобия, универсально, оно заключает в себе свой конец и свое начало. В архитектуре родового пространства отношение частей друг к другу пропорционально той же принципиальной единице, что и отношение частей к целому [Blondel, 1675–1683]. Конкретное пространство как его часть, как выявитель отличия, устроено так, что оно является формой и оно подвергается изменениям конкретной материи. В архитектуре конкретного пространства место несет в себе особенность здания, которая связывает его с внешним миром и преобразуется путем изменения его контекста [Wright, 1953; Wright, 1966].

Родовое пространство – это сила форм [Wölfflin, 1886; Wölfflin, 1982], противостоящая силе материи; это структура сплоченности общества и гарант территориального единства его составляющих. Конкретное пространство – это сила форм, ориентированная в соответствии с потоками вещества, которые проходят через общество и питают его, рискуя его разорвать на части. Оно представляет видимость, свойственную данному обществу; оно

показывает, как это общество в целом является редукцией своих же составных частей. *Общество* – это качество связности частей родового пространства. Но конкретные пространства, актуализирующие общество, неизбежно ускользают от его объединяющей силы, ибо они специфичны лишь в том, что конкретизируются путем встраивания в пространство, выходящее за границы эндогенеза, пространство, которое конкретизируется в силу своей экзогенности. Таким образом, в обществе как целостности целое всегда меньше суммы частей [Pellegrino, 1989].

Членения протяженности, производимые социальным пространством, не все включены в одну и ту же изотопию. Изотопии переплетаются в соответствии с силовыми линиями, возникающими при взаимодействии между локальностями. Социальная энергия регулируется в пространственной организации, которая разграничивает и связывает пространства центра с пространствами периферии, коллективные пространства с индивидуальными пространствами, общественные пространства с личными пространствами. Разделение по протяженности происходит редко, независимо от того, обусловлено ли оно центральным положением компонентов, плотностью населения или неприкосновенностью собственности. Протяженность является целью монополистического взаимного влечения и обмена между акторами; она является объектом их желаний, а не только средством их действий. Распределение частей протяженности управляется процессами созидания и попытками устранения нехватки места.

Пространство, состав и связи

Материальная «протяженность» такова, что два отдельных тела не могут занимать одно и то же место в одно и то же время иначе, чем сливаясь друг с другом [Pellegrino, 1989]. Пространственная организация различных участков протяженности упорядочивает их сопоставление. Она упорядочивает их таким образом, что они соответствуют друг другу; это дает телам возможность сменять друг друга во времени, в котором одна манифестация взаимодействует с другой. Пространственной организации различных участков протяженности свойственна нарративная структура. Она противопоставляет и соотносит друг с другом пространства,

модализируемые в соответствии с позицией субъекта, являющегося субъектом упорядочивания пространства символического обмена. Эти модализированные пространства являются пространственными объектами обмена, пространствами обмена и пространствами концентрации обмена с точки зрения того, что является источником символических значений (или их переосмысления) [Pellegrino, 1985].

Пространство объектов – это то, что позволяет субъекту действовать в объективной реальности и осваивать ее отношение к той реальности, которая дана в опыте этого субъекта. *Центрированное пространство* – это пространство проекции интересов субъекта на объективность эмпирически данной ему реальности. *Пространство отношений* – это пространство, в котором выражается значение реальности данного субъекта для других и которое для этого избавляется от несовместимых иерархий. Таким образом, пространство составляет не только промежуток между субъектом и объектом, но и то воздействие, которое субъект оказывает на объекты; это также способ отличать одно от другого, различать понятия «здесь» и «где-то». То, на что можно надеяться «где-то», оказывается невозможно «здесь». Связывание одного с «здесь», а другого с «где-то» зависит от способа центрирования субъекта и от его подвижности или неподвижности.

В сельском сообществе центрированное пространство – это коллективное пространство деревни; пространство объектов действия – это личное пространство фермера; пространство отношений – это пространство взаимодействия с где бы то ни было заданной сингулярностью с точки зрения сельского сообщества [Pellegrino, 1989]. В городском сообществе центрированное пространство – минимальное индивидуальное пространство субъекта. Пространство объекта действия – это прежде всего рабочее место. Пространство отношений – это внешнее публичное пространство, утверждающее универсальность с точки зрения городского субъекта; это родовое пространство. Таким образом, сельское сообщество и городское сообщество противостоят друг другу термин за термином в контрастных модализациях, которые они накладывают на общество и индивидуальность, на частную жизнь и публичность, на универсальность и сингулярность.

Эти пространства, модализируемые в соответствии с позицией субъекта, но также модализующие возможные позиции, которые он может занять, предоставляют способы пространственного

выражения действий субъекта в отношении значений, к которым он обращается [Pellegrino, 1992]. Способы пространственного выражения имеют четыре формы: топическую (включающую и исключающую), иконическую (сходства и несходства), количественную (числовую и метрическую) и органическую (формальную и функциональную). Тематическое пространство порождает комплектацию в соответствии с формами композиции и декомпозиции или слияния и разъединения. Иконическое пространство связывает новую комплектацию с уже существующими в соответствии с формами сходства и различия. Поскольку иконическая форма придает им сравнительную ценность, пространственные объекты могут быть или не быть объединены или разделены их сходством или различием.

Сходство и различие часто имеют более высокий ранг, чем собственно пространства, составляющие сравниваемые совокупности мест, ибо они идут от поверхности к основанию и от присутствия к отсутствию. Топические формы применяются к ним, чтобы ограничить их в актуализируемых разграничениях. Таким образом, иконические формы предполагают топические формы, которые, в свою очередь, делают возможными количественные формы, числовые и метрические. Числовые величины применимы только в той мере, в какой элементы и их объединения, которые они количественно определяют, локализируются (формально или функционально) в сетке положений и органических отношений. Взаиморасположение позиций и отношений обеспечивает позиционирование в контексте, отсылку к месту, анафору и индекс, пространственный *дейксис*.

Они организуют референт в соответствии с дейктическими элементами и синтагматическими отношениями, определяющими генеративный процесс (конструирование пространства) и нарративный процесс (утверждение факта в пространстве). Жест и речь определяют движение по пути и позиционируются. Позиционирование не всегда статично; оно также может быть динамичным и быть связано с другими позициями в движении; движения, которые они совершают, происходят в соответствии со способами взаимосвязи. Это функциональные отношения, которые могут дестабилизировать или стабилизировать компоновку исходящих и входящих импульсов; в этом случае включаются процессы распро-

странения, направленные на совместное использование содержимого объединенных элементов.

Здесь присутствует диахроническая семиотика пространства человека, которая не ограничивается процессами агглютинации и творения по аналогии, наблюдаемыми в разговорных языках [De Saussure, 1972], но включает их в себя. Правда, в пространстве агломерация частей, входящих в состав компонента, или анафора отношений, существующих между составными частями, — это диахронные процессы, связывающие воедино новые компоненты человеческого пространства. Но работают и другие процессы, трансформирующие пространство; все способы пространственного размещения могут создавать новые конфигурации на основе существующих конфигураций, будь то исключение какой-либо детали из агломерации; пропорции или измерения одной части относительно другой; или фокусировка одной части на другой.

Более того, эти способы пространственного выражения являются источниками речи и письма: в грамматике, согласно которой строится предложение, в экономии текста, в дискурсах, в тропах, в которых формируются подкрепления и нарушения, как в поэтике языка. Действительно, нам кажется разумным утверждать, что семиотика пространства, соединяясь с семиотикой времени, лежит в самом основании всякой семиотики. Разделение, основа пространства, предшествует порядку, основе всех аргументов. Унификация отделенного и композиция множественного существуют как условие всех возможных умозаключений, рассчитанных на многообразие. Согласно мысли Платона, высказанной в диалоге «Парменид», если первое не существует, то ничто не существует; и поэтому ничто не существует без пространства.

Гомотопия и гетеротопия

В процессе формирования обществ для организации взаимодействий как друг с другом, так и с другими сообществами пространство использовалось различными способами в соответствии с создающимися социальными структурами и периодами их существования. Пространство может быть формой универсализации или партикуляризации социальных акторов и институтов, создаваемых для организации отношений. Чтобы понять значение про-

странства как формы отношений, в отличие от материальности, необходимо прежде всего понять, что оно не может быть сведено к другим формам упорядочения социальной реальности, тем более оно несводимо к иерархическому порядку, к форме классификации.

Пиаже показал, как строятся схемы отношений в формировании сознания и человеческого пространства; таким образом, он определил стадии равновесия и дисбаланса в построении принципов восприятия пространства у детей. Геометрическое пространство и физическое пространство возникают во взаимодействии субъекта с окружающей средой. Геометрическое пространство возникает из интериоризации действий, шаг за шагом, а далее и при их отсутствии. Физическое пространство проявляется в зависимости от свойств объекта, сил, которые пронизывают его и сопротивляются субъекту. Устойчивость или структурная неустойчивость форм нашего отношения к миру зависит от возможности соотношения частей объекта нашего действия с пространственными границами, заложенными в нашем габитусе [Bourdieu, 1972], или от необходимости приспособлять эти же рамки к материальности, противопоставляющей способности достигать реальность.

Маленький ребенок признает себя субъектом, отличая свое тело от тела матери. В пространственной игре Fort-Da¹ ребенок определяется как объект внимания матери [Freud, 1920; Freud, 1963]. Бросая что-нибудь на землю и требуя, чтобы ему принесли это обратно, он проецирует на игрушку самого себя; для ребенка эта вещь является символом объекта материнского желания, которым он себя чувствует. При этом он использует проективные отношения между воображаемым и реальным; с одной стороны, он соприкасается с реальностью, сталкиваясь с отказами своей матери, а с другой стороны, он осознает расстояние, которое может существовать между его желанием и желанием его матери, тем самым признавая себя отдельным субъектом. Материальная субстанция придает реальность сопротивлению другого; она проявляет форму внешнего мира. Материальная Реальность и Человеческая Реальность проявляются в той форме, которую они принимают для нас.

¹ Игра, описанная З. Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия». Младенец выкидывает игрушку за пределы кровати, затем требует принести ее, тем самым модулируя ситуацию фрустрации по поводу отдаления от матери. – *Прим. перев.*

Материальным силам противопоставляются силы форм [Wölfflin, 1886; Wölfflin, 1981]. Динамика форм противостоит разрушению материи силами, проходящими через нее. Силы форм являются аналогией материальных сил, но ориентированы в противоположном направлении. То, что делает одну вещь тем, чем она является, *quod quid erat esse*¹ Аристотеля, – это ее форма. Материя – это то, что изменяется согласно форме, случайность, которая ее разрушает. Материя не сохраняется в форме, это то, что превращается в ничто с течением времени. Непостоянство бытия является результатом разложения формы и материи, которому оно подчинено. Пространство – форма без материи; и все же, не разделяя материю, оно не порождает бытия. Пространство отвергает материю, чтобы дать место существованию бытия, и в этом отторжении придает ей форму.

Таким образом, если пространство априорно, оно тем не менее построено на напряжении между формой и субстанцией. Если оно – не материя, то форма дает «отпечаток» материи; форма является результатом нашего восприятия материальной реальности [Hersch, 1946]. Форма есть присвоение и исключение пространства, она мыслится в терминах экстериорности. Противопоставляя бесконечное неопределенному, она придает материи свойства конечности и разделения. Это парадоксально. Форма, зависящая от материальной реальности, самодостаточна. Облеченное в форму ограниченное и конечное бытие, оно изолируется, чтобы стать полным и абсолютным целым. И если форма всегда есть форма чего-то, она в то же время форма чего-то другого, в этом она проявляет свою сущность. Форма – это то, что позволяет нам перейти от особенности настоящей реальности к всеобщности сопоставимых, но отсутствующих реальностей; от особенной исключительности к универсальной экстериорности.

В отличие от пустого, монотопического пространства, которое можно определить как отсутствие тела «другого», пространство генезиса конкретных мест закладывает свои основы в диатопии между текстом и контекстом. Контекст является для текста местом аллотопии; он формируется из других текстов, которые существуют не без проецирования диатопией образов окружения, сконструированных где-то в другом месте. Диатопия семиосферична, это

¹ То, благодаря чему нечто имеет бытие в качестве такового. – *Лат.*

соединение диалектики единого и множественного. Но это соединение создается прежде всего на окраине или разрыве, на периферии территорий, где масштабы и свойства субстанции позволяют получать аномалии и исключения, составляющие всеобщую картину мира [Lotman, 1966; Lotman, 1999].

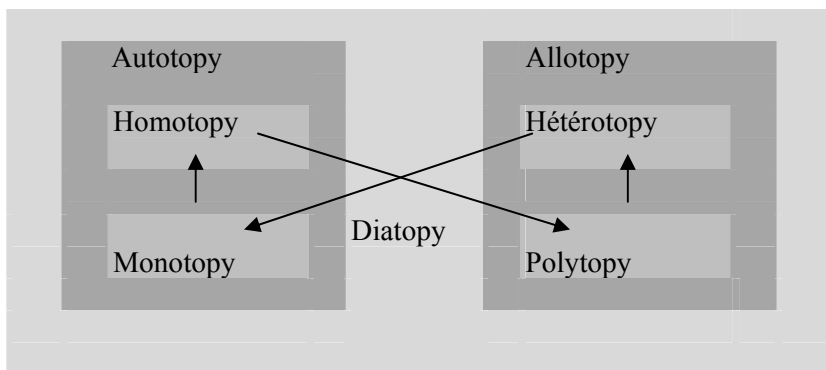

Рис. 1.

Генезис мест, диатопия единого и множественного

Список литературы

- Blondel F.* Cours d'architecture. – Paris: Auboin & Clouzier, 1675–1683.
- Bourdieu P.* Esquisse d'une théorie de la pratique. – Genève: Droz, 1972. – 272 p.
- d'Aquin Th.* De ente et essentia, 1266–73 (On Being and Essence, 1949): French translation. – Paris: Vrin, 1985. – 282 p.
- De Saussure F.* Cours de linguistique générale, 1915. – Paris: Payot, 1972. – 111 p. (Republished).
- Espaces et culture / ed. by Pellegrino P. – St. Saphorin: Georgi, 1983. – 231 p.
- Figures architecturales, formes urbaines / ed. by Pellegrino P. – Paris: Anthropos, 1994. – 779 p.
- Freud S.* Au-delà du principe de plaisir, 1920 // Essais de psychanalyse. – Paris: Payot, 1963. – P. 7–82. (Trad. fr.).
- Greimas A.J.* Du sens. – Seuil; Paris, 1970. – 558 p.
- Greimas A.J.* Pour une sémiotique topologique // J. Zeitoun Sémiotique de l'espace / ed. Jean Zeitoun. – Paris: Dunod, 1979. – 115 p.
- Hersch J.* L'être et la forme. – Neuchâtel: La Baconnière, 1946. – 243 p.
- Hjelmslev L.* Essais linguistiques, 1936. – Paris: Minuit, 1971. – 284 p. (French translation).

- Hjelmslev L. *Prolégomènes à une théorie du langage*, 1943. – Paris: Minuit, 1968. – 231 p. (French translation).
- Lotman Y. *La sémiosphère*. – Moscou: L'Univers de l'esprit, 1966 (trad. fr. PULIM, Limoges, 1999). – 152 p.
- Pellegrino P. *La forme d'un univers et sa valeur // Espaces et Sociétés*. – Paris: L'Harmattan, 1989. – N 57/58. – P. 209–218.
- Pellegrino P. *Le sens de l'espace. Livre II, La dynamique urbaine*. – Paris: Anthropos, 2001. – 265 p.
- Pellegrino P. *L'espace comme système de virtualités et ses transformations // Espaces et sociétés*. – Toulouse: Privat, 1985. – N 47. – P. 237–287.
- Pellegrino P. *Semiotics in Switzerland // Semiotica*. – New York: De Gruyter, 1992. – N 90 (1/2). – P. 34–50.
- Pellegrino P. *Société rurale? // Recherches sociologiques*. – Louvain: UCL, 1989. – Vol. 20, N 3. – P. 423–432.
- Pellegrino P. *Space, form and substance // T. Sebeok. Advances in visual semiotics*. – Bloomington: IUP, 1994. – P. 494–513.
- Prieto L. *Pertinence et pratique*. – Paris: Minuit, 1975. – 175 p.
- Sebeok T.A. *A sign is just a sign*. – Bloomington: Indiana University Press, 1991. – 178 p.
- Sémiotique de l'espace, essai en l'honneur de Thomas Sebeok: Special issue*. – Porto: Cruzeiro Semiótico, 1995. – 203 p.
- Wölfflin H. *Prolegomena zu einer Psychologie der Architektur, 1886 / Prolégomènes à une psychologie de l'architecture: french translation*. – Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1982. – 118 p.
- Wright F.L. *The Future of Architecture, 1953*. – Paris: Gonthier, 1966. – 235 p. (L'avenir de l'architecture, french translation).

References¹

- Blondel, F. (1675–1683). *Cours d'architecture*. Paris: Auboin & Clouzier.
- Bourdieu, P. (1972). *Esquisse d'une théorie de la pratique*. Genève: Droz.
- d'Aquin, Th. (1985). *De ente et essentia, 1266–73 (On Being and Essence, 1949)*. Paris: Vrin.
- De Saussure, F. (1972). *Cours de linguistique générale, 1915*. Paris: Payot, (republished).
- Freud, S. (1963). *Au-delà du principe de plaisir, 1920. Essais de psychanalyse* (pp. 7–82). Paris: Payot, (trad. fr.).
- Greimas, A.J. (1979). «Pour une sémiotique topologique». In J. Zeitoun et al. (Eds.), *Sémiotique de l'espace*. Dunod, Paris.
- Greimas, A.J. (1970). *Du sens*. Seuil; Paris.

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

- Hersch, J. (1946). *L'être et la forme*. La Baconnière, Neuchâtel.
- Hjelmslev, L. (1971). *Essais linguistiques, 1936*. Paris: Minuit.
- Hjelmslev, L. (1968). *Prolégomènes à une théorie du langage, 1943*. Paris: Minuit.
- Lotman, Y. (1999). «*La sémiosphère*». Moscou: L'Univers de l'esprit, 1966, trad. fr. Limoges: PULIM.
- Pellegrino, P. (dir.) (1994). *Figures architecturales, formes urbaines*. Paris: Anthropos.
- Pellegrino, P. (dir.) (1983). *Espaces et culture*. St.Saphorin: Georgi.
- Pellegrino, P. (1989). La forme d'un univers et sa valeur. *Espaces et Sociétés*, (57–58), 209–218.
- Pellegrino, P. (1985). L'espace comme système de virtualités et ses transformations. *Espaces et sociétés*, (47), 237–287.
- Pellegrino, P. (1992). Semiotics in Switzerland. *Semiotica*, N 90 (1/2), 34–50.
- Pellegrino, P. (1989). Société rurale? *Recherches sociologiques*, Vol. XX (3), 423–432.
- Pellegrino, P. (1994). Space, form and substance. In T. Sebeok, *Advances in visual semiotics*, Bloomington: IUP, 494–513.
- Pellegrino, P. (2001). *Le sens de l'espace. Livre II, La dynamique urbaine*. Paris: Anthropos.
- Prieto, L. (1975). *Pertinence et pratique*. Paris: Minuit.
- Sebeok, T.A. (1991). *A sign is just a sign*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sémiotique de l'espace, essai en l'honneur de Thomas Sebeok*, (1995). Cruzeiro Semiótico, Special issue, Porto.
- Wölfflin, H. (1982). *Prolegomena zu einer Psychologie der Architektur*, 1886 [*Prolégomènes à une psychologie de l'architecture*, Fr. trans. Presses Universitaires de Grenoble].
- Wright, F.L. (1966). *The Future of Architecture*, 1953. Paris: Gonthier, 1966 [L'avenir de l'architecture, fr. trans.].